

Василий Васильевич Розанов

Апокалипсис нашего времени

*Часть сборника
Апокалипсис нашего времени
(сборник)*

Василий Васильевич Розанов

Апокалипсис нашего времени

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2573115

Апокалипсис нашего времени / Василий Розанов; [вступ. ст., коммент.

А. Николюкина]: Эксмо; Москва; 2008

ISBN 978-5-699-29082-6

Аннотация

Творческое наследие русского мыслителя, писателя и публициста Василия Розанова (1856–1919) удивляет своим масштабом и многогранностью. Его оригинальные и нетрадиционные взгляды на историю, религию, мораль, литературу вызывали яростную полемику современников. В годы Советской власти имя Розанова было предано забвению, его труды не печатались, творчество не привлекало внимания исследователей. Подверженный пессимизму, в набросках «Апокалипсис нашего времени» (1917) Розанов с отчаянием и безнадёжностью принимает неизбежность революционной катастрофы, полагая её трагическим завершением российской истории.

Содержание

Розанов в контексте эпохи	4
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Василий Васильевич Розанов Апокалипсис нашего времени

Розанов в контексте эпохи

Русский философ и писатель Василий Васильевич Розанов размышлял о России и ее судьбах до последних дней своей жизни. «Безумное желание кончить «Апокалипсис», – писал он в конце 1918 года Д.С. Мережковскому¹. Ему оставалось жить несколько месяцев. Последняя изданная при его жизни книга – «Апокалипсис нашего времени» – оборвалась на десятом выпуске. Времена были трудные, голодные. Печататься становилось все сложнее и сложнее по условиям новой цензуры. А тут еще сдвоенный шестой-седьмой номер «Апокалипсиса» был конфискован тотчас по выходе в свет. Как жить и работать дальше, как прокормить семью?

Последняя надежда – Максим Горький, с которым Розанов когда-то переписывался, доставал и слал ему на Капри нужные книги. И вот он садится писать письмо Горькому –

---

¹ Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 526.

моление о помощи: «Максимушка, спаси меня от последнего отчаяния. Квартира не топлена и дров нету; дочки смотрят на последний кусочек сахара около холодного самовара; жена лежит полупарализованная и смотрит тускло на меня. Испуганные детские глаза, 10, и я глупый... Максимушка, родной, как быть? Это уже многие письма я пишу тебе, но сейчас пошлю, кажется, а то все рвал. У меня же 20 книг, но “не идут”, какая-то забастовка книготорговцев. Максимушка, что же делать, чтобы “шли”. Вот, отчего ты меня не принял в “Знание”? Максимушка, я хватаюсь за твои руки. Ты знаешь, что значит хвататься за руки? Я не понимаю, ни как жить, ни как быть. Гибну, гибну, гибну...»².

Чтобы помочь Розанову выжить, Горький обратился за деньгами к Ф. Шаляпину³. Шаляпин деньги прислал, однако было уже поздно. «Спасибо за деньги, – писал ему Горький, – но В.В. Розанов умер...»⁴.

Он умер в Сергиевом Посаде близ Троице-Сергиевой лавры 23 января 1919 года (по новому стилю это было 5 февраля). В Сергиев Посад Розанов с семьей переехал из Петрограда, после того как в августе 1917 года его друг философ П.А. Флоренский подыскал им квартиру в доме священника Беляева.

---

² Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 523–524.

³ Шаляпин Федор Иванович (1873–1938).

⁴ Федор Иванович Шаляпин. Литературное наследство. Письма. М., 1976.1. С. 354.

Дочь Розанова Татьяна так описывает кончину отца в холодном, нетопленном доме, где писатель все время мерз: «В ночь с 22-го на 23 января 1919 года старого стиля отцу стало совсем плохо... Рано утром и четверг пришли П.А. Флоренский, Софья Владимировна Олсуфьева⁵ и С.Н. Дурылин⁶. Мама, Надя⁷ и я, а также все остальные стояли у папиной постели. Софья Владимировна принесла от раки преподобного Сергия (Радонежского) плат и положила ему на голову. Он тихо стал отходить, не метался, не стонал. Софья Владимировна стала на колени и начала читать отходную молитву, в это время отец как-то зажмурился и горько улыбнулся – точно увидел смерть и испытал что-то горькое, а затем трижды спокойно вздохнул, по лицу разлилась удивительная улыбка, какое-то прямо сияние, и он испустил дух. Было около двенадцати часов дня, четверг, 23 января с. стиля. Павел Александрович Флоренский вторично прочитал отходную молитву, в третий раз – я».⁸

На дровнях, покрытых елочками, гроб, после отпевания

---

⁵ Олсуфьева Софья Владимировна (урожд Глебова) – жена графа Ю.А. Олсуфьева (1878–1937?), знакомая семьи Розановых по Сергиеву Посаду, где с 1918 г. ее муж вместе с П.А. Флоренским работал в Комиссии по охране памятников старины.

⁶ Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954) – литературовед, искусствовед и театральный критик.

⁷ Розанова Надежда Васильевна (1900–1958) – дочь писателя.

⁸ ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки), ф. 249, оп. 2, картон 10, ед. хр. 2, л. 110–111.

в приходской церкви Михаила Архангела, отвезли на кладбище Черниговского скита; похоронили Розанова рядом с могилой философа К.Н. Леонтьева (1831–1891), близкого по духу ему человека, с которым он много переписывался в последний год жизни Леонтьева. В 1923 году кладбище при Черниговском ските было срыто и, несмотря на официальную охранительную грамоту от Рестаурационных мастерских Москвы, могилы К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова уничтожены. Черный гранитный памятник Леонтьеву разбит в куски, а крест на могиле Розанова сожжен. На нем была надпись, выбранная из Псалтири П.А. Флоренским: «Праведны и истинны пути Твои, Господи!». Благодаря дневниковой записи М.М. Пришвина место могил Розанова и Леонтьева было определено и в 1992 г. на них установили кресты.

* * *

«Много вообще антиномий кроется в странной душе человека»⁹, – писал В.В. Розанов в статье к 100-летию со дня рождения философа А.С. Хомякова. И не случайно свои воспоминания о Розанове его юный друг Э. Голлербах¹⁰ озаглавил в 1919 году «О двуликом».

Как-то незадолго до смерти дочь Таня спросила его: «Па-

---

⁹ Розанов В.В. Собр. соч. Около церковных стен. М., 1995. С. 421.

¹⁰ Голлербах Эрих Федорович (1895–1942) – литературовед и искусствовед, автор книг и статей о Розанове.

па, может быть, ты отказался бы от своих книг «Темный Лик» и «Люди лунного света»?». Но он ответил несогласием, считая, что в этих книгах есть что-то верное и важное.

Недаром именно «Людей лунного света» (1911) и его брошюру «Русская церковь» (1909) епископ Гермоген¹¹ потребовал изъять из продажи как книги «безбожные и еретические», а их автора предать как еретика церковному отлучению (анафеме). Но Синод не успел применить к Розанову мер, какие в начале века были приложены к Л. Толстому (Розанов протестовал тогда против отлучения Толстого от церкви). Наступил 1917 год, и «отлучение» не состоялось. По рапорту Гермогена было принято решение: «Ввиду изданного Временным правительством закона о свободе печати и воспрещения применения к ней мер административного воздействия, не считая возможным входить ныне в суждение об изъятии вышеозначенных книг В. Розанова из обращения, Св. Синод определяет: настоящее дело производством прекратить»¹².

Дело производством можно было прекратить, но нельзя было прекратить воздействие книг и мысли Розанова. М. Горький назвал его «самым интересным человеком русской современности». После смерти Розанова в ответ на просьбу

---

¹¹ Гермоген (Георгий Ефремович Долганов, 1858–1919) – епископ Саратовский и Царицынский, требовал отлучения Розанова от церкви.

¹² ЦГИА (Центральный государственный исторический архив).СПб., ф. 796, оп. 193 (1911 г.), ед. хр. 1226, л. 2.

его дочери написать очерк о нем Горький отвечал: «Написать очерк

О нем – не решаюсь, ибо не уверен, что это мне по силам. Я считаю В. В. гениальным человеком, замечательнейшим мыслителем, в мыслях его много совершенно чуждого, а порою – даже враждебного моей душе, и – с тем вместе – он любимейший писатель мой. Столь сложное мое отношение к нему требует суждений очень точно разработанных, очень продуманных – на что я сейчас никак не способен. Когда-то я, несомненно, напишу о нем, а сейчас решительно отказываюсь»¹³.

Горький очерка не написал. Это сделала несколько лет спустя З. Гиппиус, хорошо знавшая Розанова¹⁴. В ноябре 1918 года она писала Горькому в связи со слухом о расстреле Розанова (на самом деле был расстрелян другой сотрудник газеты «Новое Время», где 20 лет печатался Розанов, – публицист М.О. Меньшиков¹⁵): «Совершенно также уверена, что слух о расстреле

В.В. Розанова должен был произвести на вас тягостное впечатление: никакой революции никакой страны не может принести чести отнятие жизни у своих талантливых писателей, да еще стариков, отошедших от всякого рода деятель-

---

¹³ ОР РГБ, ф. 249, оп. 2. картон 7, ед. хр. 42.

¹⁴ См.: Гиппиус З.Н. Живые лица. Прага, 1925. Вып. 2. С. 9–92.

¹⁵ Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) – публицист, сотрудник «Нового Времени».

ности. Как бы мы ни относились к человеку-Розанову и его «убеждениям» (а, я думаю, мы тут приблизительно совпадаем) – вы не будете отрицать, что это был замечательный, своеобразный русский талант»¹⁶.

Как же получилось, что русская культура XX века развивалась «вне Розанова», что до сих пор по различным архивам хранятся его неизданные последние произведения, несобранные воспоминания и высказывания о нем современников? «Мы ленивы и нелюбопытны»¹⁷, – говорил Пушкин. Но здесь дело не только в этом.

Направление мысли Розанова во многом сходно со взглядами Ф.М. Достоевского, хотя он жил уже в иную эпоху и не мог просто следовать за любимым писателем. Да и судьбы их наследия в чем-то схожи. Многие современники, как известно, отвернулись от Достоевского-почвенника, и он долгое время оставался «под подозрением» в среде либеральной интеллигенции. Минувло почти столетие, прежде чем Достоевский был справедливо оценен и воспринят нашей культурой. И почти столько же времени потребовалось, чтобы начать понимать и издавать Розанова.

В 1928 году Э. Голлербах писал Горькому в Италию: «Над Розановым продолжаю работать, но работа эта – «для письменного стола», а не для печати, хотя несколько лет тому на-

---

¹⁶ Архив Горького, КГ-П, 20-6-1. 1.

¹⁷ Пушкин А.С. Полное собр. соч. В 10 т. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 668 («Путешествие в Арзрум»).

зад Л.Б. Каменев¹⁸ уверял меня, что Розанова можно и нужно печатать, всего целиком... Сейчас, к сожалению, об этом нечего и думать. Как было бы ценно, если бы Вы когда-нибудь написали хотя бы несколько слов об этом отверженном писателе. «Хотя бы несколько слов» — это звучит довольно нелепо, но я хочу сказать, что Ваши «несколько слов» были бы, вероятно, достаточны для того, чтобы можно было — если не переиздавать Розанова, то хотя бы писать о нем. А как были бы для нас, «розановианцев», интересны Ваши «слуховые» и «зрительные» впечатления о нем, портретная характеристика, искусством которой Вы владеете так изумительно. Уверен, что Ваше слово могло бы в известной мере «снять опалу» с этого писателя. Но вот вопрос: нужен ли он сегодняшней России? Может быть, с Розановым следует подождать еще лет 30? Впрочем, о сроках говорить трудно»¹⁹.

Но время даже для «нескольких слов» о Розанове было неподходящим.

В последнее время наследие замечательного писателя, философа и публициста В.В. Розанова вызывает возрастающий интерес, появляются все новые и новые публикации о нем. После долгих десятилетий искусственного забвения, а точнее сказать — запрещения, Розанов вновь становится органической частью русской культуры.

---

¹⁸ Каменев Лев Борисович (наст. фамилия Розенфельд, 1883–1936) — политический деятель и литератор, расстрелян.

¹⁹ Архив Горького, КГ-ДИ, З-Г-2.

Так, как говорил с читателем (или «без читателя») В.В. Розанов, не говорил никто. В этом его оригинальность и неповторимость как мыслителя. «Ну а мысли?»... «Что ж, мысли бывают разные», — отвечал он.

Размышляя о самобытности русской философии, В.В. Розанов полагал, что в отличие, например, от Германии, где философия издавна была самостоятельной дисциплиной, в России философская мысль развивалась прежде всего в литературе. И с этим, конечно, нельзя не согласиться. Славянофилы и западники, Достоевский и Толстой, Леонтьев да и сам Розанов воплощали в себе литературу и философию одновременно. В одной из ранних статей он писал: «Русская литература была всегда литературою классической критики, не эстетической, но критики, как метода письма, который охватывает собою публицистику, философию, даже частью историю»¹.

Крупные произведения Достоевского («Дневник писателя», «Братья Карамазовы» и др.) и Толстого («Анна Каренина», «Чем люди живы», «Смерть Ивана Ильича» и др.), считал Розанов, «можно принять за фундамент наконец начавшейся оригинальной русской философии, где выведен ее

план и ее расположение, может быть, намного веков»²⁰. Это положение стало важнейшим для всей последующей творческой деятельности Розанова.

Нетрадиционные мысли Розанова в области литературы, философии, религии и сегодня не утратили своей свежести и интереса. Ну кто, к примеру, мог так проникновенно («рыдательно», как он сам выражался) написать о причинах забвения на сотни лет такого памятника древнерусского эпоса, как «Слово о полку Игореве». «Не горе бы, если бы его уничтожили, вырвали, убили. Нет, – пишет он, – произошло хуже: оно всем стало ненужно, неинтересно. Грамотные жили, но его не читали. Списывали много: но его не списывали. «Не интересно! Не влечет!» Вот ужас, вот настоящий ужас: и сохранилось, завалилось, спаслось чудом всего два списка. Вообразите время, когда Пушкин станет до того неинтересным, что его сохранится всего два экземпляра в России, в старом чулане уездного помещика! Пушкина забудут. «Не интересно, не влечет!». Не правда ли, если бы это произошло с Пушкиным, мы прокляли бы эпоху, прокляли бы тех русских, которым Пушкин сделался окончательно и совершенно ненужным! В сердце своем мы полагаем, что Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным; и Россия, отряхнувшая от своих ног Пушкина, – просто для

---

²⁰ Розанов В. Умственные течения в России за 25 лет // Новое Время. 1900. 21 марта. № 8644.

нас не Россия, не отечество, не «своя страна»... «Слово о полку Игореве» – это как бы Пушкин ранней России»²¹.

Розанова поражает не то, что в XII веке русским мастером было создано великолепное поэтическое «Слово», а то, что это «чудо певческого искусства» было просто забыто и сохранилось лишь в единственном экземпляре. Он писал: «Вот это забвение! Вот это искоренение! Вот это *sensura*, своеохотная, с порывом к ней самих цензурируемых, подлинная, настоящая цензура, душевная цензура»²².

«Слово о полку Игореве» Розанов назвал «великим течением несказанных природных сил»; оно явилось для него первым памятником отечественной словесности, заговорившим

О русской земле. Тема же эта – одна из постоянных и наиважнейших во всех его сочинениях. И другая, тесно с нею связанная, – о семье, о том, как складывается семейная жизнь русского человека. Дайте мне только любящую семью, провозгласил Розанов в книге «Семейный вопрос в России» (1903), и я из этой ячейки построю вам вечное социальное здание. Понятие семьи стало краеугольным камнем философского и художественного мышления Розанова.

---

²¹ Розанов В. Как святой Стефан порубал «прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство // Новое Время. 1908. 7 апреля (см. в кн.: Розанов В.В. Собр. соч. Во дворе язычников. М., 1999. С. 379).

²² Розанов В. Около церковных стен. СПб., 1906. Т. 1. С. 291.

Василий Васильевич Розанов родился в 1856 году в Ветлуге Костромской губернии в семье чиновника лесного ведомства. Отец его умер и вскоре семья переехала в Кострому, когда мальчику было три года. На руках матери²³ оставалось семеро детей²⁴. После ее смерти с 14-летнего возраста будущий писатель воспитывался в семье старшего брата Николая²⁵, преподававшего в гимназиях Симбирска и Нижнего Новгорода.

В 1878 году Розанов определяется на историко-филологический факультет Московского университета, становится стипендиатом А.С. Хомякова. Особенно запомнились ему лекции В.О. Ключевского, который после смерти в 1879 году С.М. Соловьева стал читать курс русской истории. Юного Розанова очень впечатляло словесное мастерство историка. «Ничего подобного я не слыхал ни прежде, ни потом... – вспоминал он. – Речь, им произнесенную, без поправок, без корректуры, без «просмотра автора» – можно было помещать куда угодно: все было кончено и завершено, отделано

---

²³ Розанова Надежда Васильевна (урожд. Шишкина, по другим сведениям – Надежда Ивановна, 1827–1870) – мать писателя.

²⁴ «Бедность у нас. Нищета голая», – вспоминал Розанов в одном из неопубликованных писем своему другу Э. Голлербаху (РНБ, ф. 207, ед. хр. 74).

²⁵ Розанов Николай Васильевич (1847–1894) – брат писателя.

последнюю отделкой»²⁶.

Розанов дает высшую оценку Ключевскому, на которую только был способен: «Русская порода, кусок драгоценной русской породы, в ее удачном куске, удачном отколе – вот Ключевский»²⁷. И вот откуда, может быть, начинается великий стилист Розанов, пока еще подспудно, как восхищенный зритель. Осознав еще в юности огромное значение «стиля», он в своих зрелых произведениях, особенно в «Уединенном» и в «Опавших листьях», довел его до совершенства.

Серьезный интерес Розанова к философии, пробудившийся в университетские годы, столкнулся с рутинной установившейся системы преподавания. Он писал: «Все-таки к философии именно – я почему-то питал особенное благоговение: “Прочие – в сюртуках, а этот в хламиде”. Вдруг, по какому-то торжественному случаю, я увидел нашего Матвея Михайловича <Троицкого>²⁸, до того расшитого в золото (позументы парадного мундира) и со столькими орденами на груди... что мой туман спал. “Ах, вот отчего... университет не дает никакой *идеи о науке*. все они занимают долж-

---

²⁶ Варварин В. Около науки и университета (По поводу 30-летия ученой службы В.О. Ключевского) //Русское Слово. 1909. 12 декабря. (В 1906–1911 гг. Розанов печатался в этой газете под псевдонимом В. Варварин).

²⁷ Розанов В.В. Собр. соч. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки 1909 г. М., 2004. С. 408.

²⁸ Троицкий Матвей Михайлович (1835–1899) – психолог, профессор Московского университета, философ-позитивист, организатор журнала «Вопросы Философии и Психологии».

ность V-го класса, дослуживаются, к 40-летию службы, до тайного советника и мирно прилагаются “к отцам” на Дорогомиловском или Ваганьковском кладбище”»²⁹.

В университетские годы – в результате «вечной задумчивости», мечты, переходящей в безотчетное «внутреннее счастье», – в душе юноши произошел перелом. В автобиографии он писал: «Уже с I курса университета я перестал быть безбожником и, не преувеличивая, скажу: Бог поселился во мне. С того времени и до этого, каковы бы ни были мои отношения к церкви (изменившиеся совершенно с 1896-97 гг.), что бы я ни делал, что бы ни говорил или писал, прямо или *в особенности косвенно я говорил и думал, собственно, только о Боге: так что он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем*»³⁰.

В начале 1881 года Розанов обвенчался с Аполлинарией Сусловой³¹, эмансипированной женщиной, известной в писательской среде (Ф.М. Достоевский в начале 60-х годов путешествовал с ней по Западной Европе). Полина, будучи на

---

²⁹ Розанов В. Вековая бездейственность русской профессуры // Новое Время. 1911. 27 августа (см. в кн.: Розанов В.В. Собр. соч. Террор против русского национализма. М., 2005. С. 209).

³⁰ РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 3–4. Опубликовано частично: Чехихин-Ветринский В. «Свой Бог» Розанова (Страница из его автобиографии) // Утренники (Под ред. Д.А. Лутохина). Пб, 1922. Кн. 1. С. 78–79.

³¹ Суслова Аполлинария Прокофьева (1839–1918) – первая жена Розанова.

17 лет старше мужа, создала ему в Брянске, где он преподавал в прогимназии после университета, жизнь «мучительную, невыносимую».

За четыре года жизни в Брянске Розанов написал книгу «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания», в основе которой лежит идея «живого роста» (наподобие вырастающего из зерна дерева). Она писалась на едином дыхании, без поправок. «Обыкновенно это бывало так, – вспоминал он через 30 лет. – Утром, в «ясность», глотнув чаю, я открывал толстую рукопись, где кончил вчера. Вид ее и что «вот сколько уже сделано» – приводил меня в радость. Эту радость я и «поддевал на иголку» писательства»³². Эту работу Розанов считал определяющей для всего своего мирозерцания, как выражение «предназначения» и «цели жизни». В письме к К.Н. Леонтьеву он писал, что книга «О понимании» «вся вылилась из меня, когда, не предвидя возможности (досуга) сполна выразить свой взгляд, я применил его к одной части – умственной деятельности человека»³³.

Книга Розанова направлена против позитивизма большинства тогдашних профессоров философии Московского университета. Автор видел и серьезные недостатки своего труда, о которых позднее говорил: «Мне надо было вышибить из рук, из речи, из «умозаключений» своих противни-

---

³² Розанов В.В. Литературные изгнанники. СПб., 1913. Т. 1. С. 200.

³³ Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 503–504.

ков те аргументы, которыми они фехтовали. Отсюда – элементарность, плоскость суждений, доказательств. «Надо было полемизировать не с Парменидом³⁴, а с Михайловским³⁵». Конечно – это слабая сторона книги»³⁶.

Ныне рецептивная эстетика утверждает, что важно не литературное произведение само по себе, а его восприятие читателем, и это не вызывает протеста. Когда же молодой Розанов выдвинул категорию «понимание», связующую человека с наукой как системой знаний, то «все смеялись» над таким трюизмом. Науковедческий аспект книги не заинтересовал современников. В рецензии на нее, опубликованной в одном из крупнейших журналов, ядовито сказано, что «автор понимает под «пониманием» совсем не то, что принято разуметь под этим словом: для него это не психологический процесс, а какая-то новая всеобъемлющая наука, призванная восполнить собою недостатки и пробелы существующих знаний. Для нас этот «полный орган разума», выдуманный г. Розановым, остается неразрешимой загадкой. Понимание, как нечто независимое от науки и философии, стоящее вне и выше их, более несомненное и обширное, чем они, – это просто логический абсурд»³⁷.

---

³⁴ Парменид из Элей (VI в. до н. э.) – древнегреческий философ.

³⁵ Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – народник, публицист, критик.

³⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники С. 140.

³⁷ <Слонимский Л. 3. «Понимание» В.В. Розанова>// Вестник Европы. 1886. № 10. С. 851.

И лишь в сочувственно написанной рецензии Н.Н. Страхова³⁸ на книгу Розанова признавалась «законность задачи, которой она посвящена»³⁹.

Провал первой книги (часть ее тиража была возвращена автору, а другая часть продана на Сухаревке на обертку для «серии современных романов») изменил всю судьбу Розанова. Много лет спустя он писал: «Встретить книга какой-нибудь привет – я бы на всю жизнь остался «философом». Но книга ничего не вызвала (она, однако, написана легко). Тогда я перешел к критике, публицистике: но все это было «не то». То есть это не настоящее мое»⁴⁰.

Вслед за книгой «О понимании» Розанов собирался писать такую же по величине работу под названием «О потенциальности и роли ее в мире физическом и человеческом». Потенция, считал он, это незримая, неосуществленная форма около зримой, реальной. Мир – лишь частица «потенциального мира», который и есть настоящий предмет философии и науки. «Изучение переходов из потенциального мира в реальный, законов этого перехода и условий этого перехода, вообще всего, что в стадии перехода проявляется, наполнило мою мысль и воображение»⁴¹

---

³⁸ Страхов Николай Николаевич (1828–1896) – философ, публицист, критик, друг Розанова.

³⁹ ЖМНП (Журнал Министерства Народного Просвещения). 1889. № 9. Отд. II. С. 131.

⁴⁰ РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 21, л. 4.

⁴¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники. С. 116.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.